

К 80-летию со дня рождения (1935)
К 25-летию со дня кончины († 1990)

ПРОТОИЕРЕИ
АЛЕКСАНДР
МЕНЬ

Собрание
сочинений

Том 2

Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
Москва 2015

ПРОТОИЕРЕИ
АЛЕКСАНДР
МЕНЬ

Серия
«В поисках Пути, Истины и Жизни»

ИСТОКИ РЕЛИГИИ
Природа веры
Человек во Вселенной
Перед лицом Сущего

Книга I

Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
Москва 2015

УДК 252
ББК 86-372
М51

По благословию Патриарха Московского и всея Руси
КИРИЛЛА

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой
программы «Культура России (2012–2018 годы)»

Издание осуществлено при содействии
Гуманитарно-благотворительного фонда
имени Александра Меня

Мень А., протоиерей
М51 Собрание сочинений. Т. 2: Серия «В поисках Пути, Истины
и Жизни». Кн. 1. Истоки религии. — М. : Издательство Московской
Патриархии Русской Православной Церкви, 2015. — 392 с. : ил.
ISBN 978-5-88017-471-3 (общ.)
ISBN 978-5-88017-477-5 (т. 2)

В книге рассказывается о природе религиозного сознания, об отношениях между верой и научным мышлением, рассматривается проблема происхождения зла, освещаются с религиозно-философской позиции темы эволюции и прогресса.

УДК 252
ББК 86-372

ISBN 978-5-88017-471-3 (общ.)
ISBN 978-5-88017-477-5 (т. 2)

© Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви, 2015
© Мень Александр Вольфович, прот., 2015

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Мень Михаил Александрович (председатель совета), министр строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации

Сеславинский Михаил Вадимович, руководитель Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Григорьев Владимир Викторович, заместитель руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Биллингтон Джеймс, доктор, директор Библиотеки Конгресса США

Аман Ив, профессор факультета славистики Парижского университета Нантер (Франция)

Занусси Кишитоф, кинорежиссер, сценарист и продюсер (Польша)

Парравичини Джованна, атташе по культуре посольства Ватикана в России, сотрудник фонда «Христианская Россия» (Серриате, Италия)

Лукин Владимир Петрович, доктор исторических наук, профессор

Федотов Михаил Александрович, советник Президента Российской Федерации, председатель Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека

Архангельский Александр Николаевич, литературовед, литературный критик, публицист, телеведущий, писатель

Мироненко Сергей Владимирович, директор Государственного архива Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор

Эрнст-Йорг фон Штудниц, доктор, Почетный председатель Германско-Российского форума (Германия)

Гениева Екатерина Юрьевна, директор Всероссийской библиотеки иностранной литературы им. М. И. Рудомино

Кублановский Юрий Михайлович, поэт, публицист, критик, искусствовед

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редакционного совета – *митрополит Калужский и Боровский Климент*, председатель Издательского совета Русской Православной Церкви

Заместитель председателя редакционного совета – *протоиерей Владимир Сило-
вьев*, главный редактор Издательства Московской Патриархии Русской Право-
славной Церкви

Члены редакционного совета:

Протоиерей *Александр Борисов*, настоятель храма свв. бессребреников Космы
и Дамиана в Шубине г. Москвы

Протоиерей *Виктор Григоренко*, настоятель Сергиевского храма в Сергиевом
Посаде

Беглов Алексей Львович, историк, преподаватель

Ерёмин Андрей Алексеевич, писатель, публицист

Лапшин Игорь Владимирович, руководитель международного отдела Издатель-
ства Московской Патриархии (*секретарь редакционного совета*)

Полицук Евгений Семенович, заместитель главного редактора Издательства Москов-
ской Патриархии, ответственный секретарь редколлегии сборника «Богословские
труды»

Рашковский Евгений Борисович, доктор исторических наук, главный научный
сотрудник Всероссийской государственной библиотеки иностранной литерату-
ры им. М. И. Рудомино и Института мировой экономики и международных отно-
шений РАН

Сорокин Андрей Константинович, генеральный директор издательства «Россий-
ская политическая энциклопедия»

*Светлой памяти великого
христианского мыслителя
Владимира Сергеевича Соловьева
посвящается эта книга*

Слово к читателям

В исторических познаниях наших современников и соотечественников есть обширный пробел – это область христианской традиции. Все мы, кажется, пришли ныне к согласию в том, что пробел этот пользы нашему обществу не приносит. Его надо ликвидировать, и каждому, кто поможет это делать, следует сказать спасибо.

Область религиозной культуры по природе своей пограничная, не исчерпываемая до конца ни школьно-богословским или, скажем, религиоведческим, ни историко-культурным подходом. Религиозная вера и культура – вещи по определению различные, однако выступающие в единстве и лишь в единстве могущие быть адекватно увиденными. Религиозная культура вырастает из веры и без веры распадается, как тело, от которого отлетела душа; но и вера без религиозной культуры – так сказать, невоплощенная. Даже самые бесспорные факты общей истории культуры, например, памятники религиозного искусства, будь то древнерусская икона или готический собор, литературное житие или григорианская мелодия, закрыты для нас, если у нас нет достаточно глубокого понимания вдохновившей их веры; но, с другой стороны, описываемая обычно теологами и разбираемая на части религиоведами конкретная «плоть» веры как таковой – понятийный

аппарат вероучительных формул, навыки религиозного поведения, включающие и эстетику ритуала, и этику поступка, — составлена из компонентов культурного обихода, отчасти созданных заново в лоне данной религии, отчасти же унаследованных от предыдущих эпох. Христианская культура существует в течение двух тысячелетий, но ее предыстория уходит в глубину времен несравнимо дальше.

Тонкие связи и отталкивания между христианской и дохристианской духовностью — предмет, вызывающий самый живой интерес: оно и естественно. А что читать? Как правило, наши историки культуры либо чересчур мало говорят об этом, либо говорят так, что лучше б и не говорили. Ну, в наши дни назойливая нота грубого разоблачительства вроде бы перестает звучать, но и в работах, написанных в более пристойном тоне, редка та чуткость к собственно духовной глубине материала, без которой историк, какова бы ни была его собственная позиция по отношению к религии, просто не сумеет объяснить ни читателю, ни себе же самому, о чем, собственно, идет речь. Предмет анализа исчезает, все становится беспредметным — не поймешь, на что люди не глупее нас тратили свои жизни. Что касается традиционного «школьного» богословия, историко-культурные проблемы оказываются разве что на периферии его внимания. Да и то сказать, где ее достанешь, богословскую литературу?

Но вот перед нами популярный, обращенный к широкой публике труд, который заполняет собой образовавшуюся лакуну, отвечает на запросы, до сих пор не удовлетворенные. С одной стороны, он написан с самым серьезным вниманием к смысловой стороне тысячелетней истории поисков Бога. Это не могло быть иначе: автор — верующий христианин, более того, священник Русской Православной Церкви. Как само собой разумеется между честными людьми, его взгляд на факты определен его убеждениями; и все-таки читатель ошибется, если предположит, что вот сейчас начнется уговаривание — вербовка в прозелиты. Ибо, с другой стороны,

автор — человек современной светской культуры, и это сказывается не только на его знаниях, приобретенных непрерывным трудом всей жизни, но прежде всего на его интеллигентной позиции по отношению к читателю. Установка на пропаганду в тривиальном смысле слова исключается.

А теперь, перед тем как на прощание пожелать читателю найти то, что ему на потребу, вспомним, что тома этого издания написаны задолго до того, как забрезжила возможность издать их у нас. Вспомним, что прот. А. Мень заговорил о каких-то вещах в такое время, когда нынешние его союзники или оппоненты молчали. Что он вышел на свою работу один, во времена, не похожие на нынешние. Вспомним — и поблагодарим его.

С. С. Аверинцев

Предисловие

Выход первых книг о. Александра в брюссельском издательстве «Жизнь с Богом» на рубеже 1960-х и 1970-х годов стал настоящим событием в жизни русского Православия, хотя масштаб и смысл этого события мы не все осознали и сегодня. В 1968 году вышла под псевдонимом А. Боголюбов первая и главная книга его жизни, «Сын Человеческий», в следующем, без указания автора, «Небо на земле: Богослужение Восточной Церкви (Литургический очерк)». Еще через год, в 1970-м, появилась под псевдонимом Э. Светлов книга «Истоки религии». Ей предстояло стать частью серии «В поисках Пути, Истины и Жизни». Второе, переработанное издание появилось в 1981 году.

Шеститомник выходил в Брюсселе вплоть до 1983 года, когда был напечатан последний том «На пороге Нового Завета». Эти книги, конечно, переиздавались и после, сначала за границей, потом и в России, сегодня они выходят в Издательстве Московской Патриархии. Но текст уже не претерпевал существенных изменений — он был написан и отредактирован в период с конца шестидесятых по самое начало восьмидесятых.

Чтобы адекватно понять любой текст, нужно прежде всего хорошо понимать, кем, когда, для кого и с какой целью

он был написан. Этот шеститомник — и в наибольшей степени это касается первого тома, «Истоки религии» — родом из советских шестидесятых: из страны, которой больше нет, из эпохи, которая давно миновала, из той интеллектуальной среды, которая неузнаваемо изменилась. Но при этом никак нельзя сказать, что книги устарели, что сегодня мы издаем их лишь для того, чтобы почтить память их автора, замечательного пастыря и человека. Да, многие факты и гипотезы сегодня нуждаются в поправках и уточнениях, некоторые оценки выглядят спорными, но в общем и целом книги не только сохранили актуальность — они, пожалуй, остаются до сих пор не вполне прочитанными и понятыми даже среди горячих поклонников о. Александра.

Писавший о пророках, он сам оказался отчасти подобен им: сказанное в совсем другое время приобретает новое звучание сегодня. Пророчества можно толковать в том культурно-историческом контексте, в котором они были произнесены, а можно применять их к будущим временам. Вот и мы начнем с контекста советских шестидесятых.

Их начало — время, с одной стороны, хрущевской оттепели, либерализации в общественной жизни, творческих поисков, которые, впрочем, не предполагали пересмотра основ коммунистической идеологии. Но ведь множество людей и в самом деле связывали свои надежды с коммунистическим будущим, которое они еще успеют застать. С другой стороны, это время жестоких гонений на религию. В отличие от тридцатых, эти репрессии были не массовыми и не хаотичными — теперь советская власть точно и аккуратно устраняла из общественной жизни все то, что ставило под сомнение ее монополию на идеи. И прежде всего — Церковь.

Посадить за решетку вообще всех верующих или хотя бы тех, кто активно говорит о вере, — такой задачи не ставилось, хотя многих действительно сажали (о. Александр сам был одно время под угрозой ареста). Церковь надо было загнать в гетто: молитвы и посты, свечи и старые книги

на непонятном языке — это всё для невежественных старух, которые обречены на вымирание, да еще для жадных попов, которые выманивают у этих старух последние пятаки. Такую Церковь советская власть готова была терпеть, такой ее видела и значительная часть советского общества.

Конец шестидесятых — время разочарования. «Социализма с человеческим лицом» не получилось, страна погружалась в эпоху стабильности, которую позднее назовут застоём. Именно в это время проявился осторожный интерес к Церкви со стороны тех, кто искал высоких идеалов и убедился, что социализм не может их предложить. Но этим людям все нужно было объяснять, их не удовлетворял простой ответ: «так положено». Кем положено, как, почему и откуда нам знать, что именно ваше учение — верное?

Эту задачу: объяснять и увлекать — и взял на себя о. Александр. По жанру его книги, пожалуй, ближе всего были к научно-популярным изданиям, которые расцвели тогда в СССР: «Занимательная минералогия», «Занимательное литературоведение». Но создать занимательную историю религий? Не слишком ли дерзкая задача? И не слишком ли сложная, если учесть, что, в отличие от исследователей метафор или земных недр, такому автору неоткуда будет брать свежую научную литературу по теме, не удастся обсудить свои теории с коллегами на конференциях, опубликовать предварительные результаты в виде статей? Оставалось, по сути, работать вслепую, довольствуясь тем, что есть, работать на неопределенное будущее — и о. Александр пошел на этот риск.

К какой же аудитории он обращался? Самый первый ответ очевиден: к советской интеллигенции, прежде всего технической. Но это не бездушные технократы — это люди высоких идеалов и гуманистических убеждений, при этом придерживаются они строго материалистического мировоззрения. Это читатели А. и Б. Стругацких, и самым лучшим предисловием к трудам о. Александра могли бы стать две их знаковые шестидесятнические книги, две развернутые притчи —

«Трудно быть богом» (1964) и «Понедельник начинается в субботу» (1965).

В первой из них рассказана история человека из светлого коммунистического будущего, который попадает в темное средневековье вместе со всеми своими знаниями, технологиями и гуманистическими идеалами. Впрочем, это даже не средневековье, это страшная пародия на него (вроде атеистических пародий на Церковь), где, конечно, самые низменные страсти находят себе оправдание в религии. И все же самая страшная угроза в книге — не жрецы и монахи, а «серые», безликие и жестокие циники, в действительности взятые из истории тоталитарных режимов XX века. А светлый герой при всех своих технологиях бессилён изменить этот мир, бессилён даже защитить ту, которую любит, — и тогда он начинает в слепой ярости убивать этих людей и проливает, пожалуй, больше крови, чем самый страшный из средневековых злодеев.

Вторая притча, напротив, смешная и радостная, она про научных сотрудников, которые исследуют чудеса. Звучит нелепо? Но ведь наука дала естественные объяснения многому из того, что прежде считалось божественным — например, молниям. Значит, граница между чудом и научным явлением, между религиозным и рациональным мировоззрением не абсолютна и во многом зависит от позиции наблюдателя.

И вот представим себе читателя книг Стругацких: вдумчивого и честного человека, воспитанного в атеистической стране, который ищет при этом нравственные ориентиры и духовные идеалы. Он окружен литературой самого разного рода, никаких родовых связей с Православием у него не осталось и о Христе он узнает в основном из атеистических памфлетов. Зато он привык доверять наукам, особенно естественным и точным, но в то же время не чужд и гуманитарных интересов. Еще он прекрасно понимает, что ни одна наука не в состоянии описать мир полностью и окончательно определить место человека в нем. К такому читателю

и обращается о. Александр, чтобы показать ему то место, которое христианство может занять в его целостном мировоззрении. Задача не в том, чтобы отбросить все его прежние представления о мире, а в том, чтобы дополнить их.

Но одновременно о. Александр обращается и к людям церковным, хотя это менее очевидно. На одной из картин того времени¹ изображен священник в облачении, склонившийся над газетой с рассказом о полете Гагарина — его терзают сомнения, ведь советский космонавт не обнаружил в космосе Бога. И в самом деле, на первый взгляд Церковь в России законсервировалась, мечтала лишь о продолжении форм дореволюционной жизни, не принимая ничего нового. Именно такая Церковь была выгодна гонителям, она не могла составить конкуренции современным идеологиям и была обречена на вымирание.

Со времени революции для российских верующих основной задачей стало выживание, зачастую в прямом и непосредственном смысле этого слова, и сохранение традиций — главным средством для ее решения. Но жизнь на планете не остановилась в 1917 году, не прервалась и интеллектуальная работа по исследованию Библии. До революции отечественная библеистика, по сути, лишь приступила к работе, которая заключалась в критическом и творческом осмыслении тех положений, которые были выдвинуты западными коллегами. Отчасти эта работа продолжилась в эмиграции, прежде всего трудами епископа Кассиана (Безобразова), протоиерея Алексия Князева, Н. Н. Глубоковского, А. В. Карташева.

Но рядовые верующие, в том числе и духовенство, практически ничего не знали об их трудах, а если о чем-то подобном слышали, относились с ним с подозрительностью. С их точки зрения, говорить о научном анализе библейских текстов значило вставать на сторону атеистов, считавших свое мировоззрение научным и единственно верным. Верующие привыкли,

¹ Пётр Михайлов. «Раздумье». 1964 г.

что научный подход к Библии всегда сводился к тому, чтобы показать недостоверность и противоречивость ее как сборника древних легенд и фантазий. Им тоже нужно было дать новую перспективу, отличную от примитивного отрицания научных подходов и новых открытий.

О. Александр постарался построить мост между двумя берегами — а значит, попал под критику тех, кто вполне комфортно ощущал себя на своем берегу, причем как с той, так и с другой стороны. Задача оказалась настолько трудной, что до сих пор — а со времени написания книги прошло более полувека — по сути, не вышло ни одной другой книги на русском языке, автор которой постарался бы сделать нечто подобное. С тех пор неузнаваемо изменилось все: наша страна, структура общества, положение Церкви, возможность гласно обсуждать подобные вопросы — но задача остается такой же актуальной, как и в 60–70-е гг. прошлого века.

Кроме того, нужно учитывать, что у о. Александра не было доступа к хорошим библиотекам с литературой по данной тематике, его круг чтения формировался почти случайно: что удавалось достать. Казалось, это причина отложить такой труд до лучших времен (которые, как известно, так никогда и не наступают). Но это обстоятельство имело одно очень важное следствие: отсутствие сведений по отдельным предметам было компенсировано шириной охвата.

За последнее столетие научные работы по библеистике и смежным дисциплинам нарастали на Западе как снежный ком. Любой добросовестный ученый просто обязан рассмотреть все значимые публикации по теме своего исследования, что при растущем объеме научного материала неизбежно ведет к узкой специализации. Упрощая, можно сказать, что западный исследователь при таком изобилии книг и статей обычно бывает в состоянии рассмотреть лишь некий узкий вопрос, оставляя смежные для своих коллег.

Российский исследователь, находящийся почти что в пустыне, не может себе такого позволить — ему просто

неоткуда брать материал, и коллег-смежников у него просто нет. Ему прежде всего приходится «размечать территорию», смотреть с высоты птичьего полета, может быть, упуская при этом множество мелких деталей. Но такой взгляд позволяет ему понимать глобальные процессы, описывать ситуацию в целом, а не только частности. В том же самом положении находились и другие советские и российские авторы, писавшие на подобные темы — например, С. С. Аверинцев.

И подобный взгляд сверху оказывается самым долговечным, он в наименьшей степени устаревает при возникновении новых гипотез и освоении новых фактов. Что касается частных и деталей, серия книг «В поисках Пути, Истины и Жизни» сильно устарела за эти полвека. Но с точки зрения постановки вопросов и методологии она намного более современна, чем многие книги, изданные и написанные в последние годы, где обходятся острые углы и приводятся давно известные и одобренные духовной цензурой сведения из области «Священной истории Ветхого и Нового Заветов».

Итак, чтобы построить мост между советской интеллигенцией и православной традицией, нужно было снять противопоставление религии и науки. В святоотеческом наследии не было ничего подобного — тогда христиане спорили с язычниками или еретиками, но никак не с атеистами. Отцы убеждали своих читателей в том, что верна именно их вера, — теперь приходилось начинать с оправдания самой веры. Читателю нужно прежде всего объяснить, почему вера вообще имеет право на существование в век научно-технического прогресса, благодаря которому человек вышел в космос. Именно этой задаче и посвящена первая книга в серии — «Истоки религии».

Ее первая часть начинается с очевидных тезисов: в человеке есть религиозное чувство, познание мира несводимо к эмпирике и логике, а любая культура так или иначе связана с культом. В принципе, этого уже достаточно, чтобы заставить читателя признать: атеизм — всего лишь одно из возможных мировоззрений, и не самое распространенное, и к тому

же он не дает ответов на многие вопросы и не все явления может объяснить.

Собственно, на этой сильной позиции можно было бы и остаться, не идти дальше, к вещам спорным, где, как казалось в середине XX века, религиозному человеку трудно найти адекватные ответы на вопросы, задаваемые атеистами. Многие апологеты идут именно подобным легким путем: принципиально касаются лишь тех вещей, которые легко могут обратиться в свою пользу.

Но о. Александр во второй части этой книги переходит к самому распространенному возражению со стороны атеистов, рассматривает самую болезненную проблему. «Хорошо, — мог ответить ему потенциальный читатель, — я согласусь, что религия играла важную и часто позитивную роль в истории человечества, что она не утратила своего значения и до сих пор. Но ведь невозможно в наше время верить в эти древние мифы — например, в то, что Бог сотворил вселенную сразу в готовом виде, притом за шесть суток! Наука давно уже оперирует совершенно иными моделями, а вы ведь отрицаете, к примеру, теорию эволюции».

Многие христианские авторы, как на Западе, так и у нас¹, станут на это отвечать, что современная наука, в частности, теория эволюции, не дает ответов на все вопросы. Они станут приводить разрозненные факты, которыми можно «доказать» буквальную истинность первой главы книги Бытия: мир возник сразу в готовом виде примерно семь тысяч лет назад, никакой эволюции не было.

Вся беда в том, что эти факты (достаточно спорные) мало кого убеждают, а сам подобный подход свидетельствует о слабом понимании научного метода. Научная теория, в отличие от догматов веры, никогда не претендует на то, чтобы объяснить

¹ Обзор взглядов православных богословов на эволюцию см. в: Архимандрит Ианнуарий (Ивлиев). Взгляды на теорию эволюции в Православной Церкви // *Teoria dell'evoluzione: Lo sguardo della scienza e della fede Cristiana: Seminario scientifico italo-russo*. Gargnano, [2003]. P. 98–121.

раз и навсегда все наблюдаемые явления единственно верным образом. Она лишь стремится объяснить наибольшее количество таких явлений наиболее убедительно, она имеет пределы применимости, она постоянно подвергается уточнениям, она становится поводом для дискуссий и экспериментов, а не требует слепого и бездумного принятия.

Теория эволюции — не исключение, она претерпела множество изменений с момента своего возникновения, она допускает развитие и разнообразие мнений по множеству частных вопросов. Она не пытается ответить на многие важные вопросы: например, как именно возникло живое из неживого.

Но еще в XIX веке она была воспринята атеистами как главный аргумент против бытия Божиего: миром живых существ управляет не Его воля, а слепой случай — мутации в сочетании с естественным отбором. В некоторых головах она приобрела силу религиозного догмата: «Дарвин доказал, что Бога нет и все происходит случайным образом», — но такой подход лишь свидетельствует о глубокой потребности человека в религии. Отвергая традиционную религию, носители такого сознания создают свою собственную и принимают ее догматы с такой же глубокой верой, с какой верующий принимает свои¹.

Но о. Александр стремится уйти от примитивного противопоставления науки и религии. При этом он не просто допускает, к примеру, возможность небуквального прочтения первой главы Бытия (а ведь библейские рассказы в православной традиции всегда понимали и в иносказательном смысле), не просто соглашается с тезисом, что эволюция могла быть одним из инструментов творения. Это было бы слишком просто, выглядело бы своего рода уступкой «духу века сего», давая повод атеистам говорить: дескать, церковники

¹ Критику такого подхода, относящуюся к тому же времени и рассчитанную примерно на такого же читателя, см.: В. П. Тростников. Мысли перед рассветом. Париж, 1980.

готовы на словах признать даже эволюцию, лишь бы сохранить в неприкосновенности свои обветшалые мифы.

Нет, о. Александр делает эволюцию опорным понятием для всей серии книг о духовной истории человечества, причем эволюцию не только биологическую — он говорит о развитии и становлении идей. Для него это не просто уступка интеллигентам-агностикам — это принципиальный подход, отличный от примитивного внеисторического взгляда, свойственного некоторым христианам; согласно последнему, в языческую тьму приходит Откровение свыше, содержащее всю полноту Истины, и людям остается только принять его. Нет, он говорит об истории религий как о драме, которая разворачивается между Богом и людьми во времени и пространстве. Откровение здесь — не текст и не разовое событие, но главное содержание этой драмы. И такой взгляд не просто не противоречит Библии — он напрямую вытекает из нее. «Именно в Библии, в отличие от греческих, вавилонских, индийских писаний, мы впервые находим понятие о мире как об истории, становлении и процессе», — пишет он.

Далеко не все с этим согласятся, но в этом понимании о. Александр не одинок. Ближе всего к нему — французский богослов и ученый первой половины XX века Тейяр де Шарден¹. Он стремился объединить данные науки с основными положениями христианской веры, опираясь на понятие «ноосферы» — сферы разума, в которой происходит взаимодействие человечества и окружающей его природы. Сфера эта не просто существует, у нее есть начальная точка: она возникла с появлением разумного человечества, — но есть у нее и цель, «точка Омега», к которой так или иначе движется вся мировая история. В ней произойдет «внутренний возврат к себе целиком всей ноосферы, достигшей одновременно крайней степени своей сложности и своей

¹ Самая известная его работа — «Феномен человека» (М., 1987; 1-е франц. изд. (посмертное) — Paris, 1956).